

Старый Валаам

Очерк

В поминальном очерке -- "У старца Варнавы" -- рассказано, как, сорок лет тому, я, юный, двадцатилетний студент, "шатнувшийся от Церкви", избрал для свадебной поездки -- случайно или неслучайно -- древнюю обитель, Валаамский монастырь. Эта поездка не прошла бесследно: я вынес много впечатлений, ощущений -- и вышла книжка. Эта первая моя книжка, принеся мне и радость, и тревоги, давно разошлась по русским городам и весям. Есть ли она за рубежом -- не знаю; вряд ли. Перед войной мне предлагали переиздать ее, -- я отказался: слишком она юна, легка. Ныне я не писал бы так; но суть осталась и донныне: светлый Валаам. За это время многое переменялось: и во мне, и -- вне. Россия, православная Россия -- где? какая?! Да и весь мир переменялся. Вспомнишь... -- а Троице-Сергиевская лавра? а Оптина пустынь? а -- Саров? а Соловки?! Валаам остался, уцелел. Все тот же? Говорят, все тот же. Слава Богу. Ну, конечно, кое в чем переменялся, -- время, новая судьба. Говорят, -- туристов принимает, европейцев. Это не плохо, и для него не страшно: "да светит миру". Как-то я читал в "Матэн" о Валааме. Журналист-француз, конечно, многого не понял "в Валааме", но -- уважением проникся. Помню, писал: "своей идее служат... мужики-монахи". Не плохо, если "мужики" -- идее служат. Сколько перевидал французский журналист, что может удивить его? А Валааму удивлялся. Не плохо это. Да, стал другой немножко Валаам. Но жив и ныне. Раньше -- жил Россией, душой народной. Ныне -- Россия не слышна, Россия не приходит, не приносит своих молитв, труда, копеек, умиления. Но он стоит и ныне, Светлый. Его не разрушают, не оскверняют, не взрывают. Суровая Финляндия к нему привыкла. Ведь и в прошлом он не был в ее границах -- природа их объединила. Помню, сорок лет тому, "полицейский надзор" над ним держали те же финны. Валаам чужим им не был; такой же, как и они -- суровый, молчаливый, стойкий, крепкий, трудовой, -- крестьянский. Валаам остался на своем граните, -- "на луде", как говорят на Валааме, -- на островах, в лесах, в проливах; с колоколами, со скитами, с гранитными крестами на лесных дорогах, с великой тишиной в затишье, с гулом леса и воли в ненастье, с трудом -- для Господа, "во Имя". Как и св. Афон, Валаам, поныне, -- светит. Афон -- на юге, Валаам -- на севере. В сумеречное наше время, в надвинувшуюся "ночь мира", -- нужны маяки. Я вспомнил светлую страницу -- в прошлом. Недавно, как бы в укрепление себе, узнал, что два послушника, кого я мимоходом повстречал на Валааме, пометил в книжке, совершили за эти годы подвиг. Узнал, что стали "светом миру", что они живут. Валаам дал им послушание. И вот, живые нити протянулись от "ныне" -- к прошлому, это прошлое мне светит. В этом свете -- тот Валаам, далекий. И я подумал, что полезно будет вспомнить и рассказать о нем: он все такой же, светлый.

I. -- К Валааму

...В половине 3-го часа утра разбудил меня звонок в коридоре гостиницы. Было еще совсем темно. Видно только, как бегут в небе тучи, то открывая, то заслоняя звезды. Очертания собора высятся над берегами. Озеро гремит, шумят березы. На колокольне ударили к полунощнице. Стучат сапоги монахов по каменной дорожке -- тянутся иноки к собору.

-- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

-- Аминь.

-- "Александр" через час отходит, -- говорит брат Тихон, послушник, -- с вечера еще пришел, волны берега.

-- Непокойно озеро?

-- Да не так чтобы... волнисто. Большой бури не будет, а покачает. Опять это "покачает". Из Шлиссельбурга вышли на "Петре Первом" -- так трепало, что мы сошли на Коневце, отсиживались, готовились к Валааму. И вот, теперь, и на "Александре" покачает.

-- Это ничего-с, -- успокаивает нас брат Тихон, -- для испытания вам, наше озеро дух смиряет, а потопления вам не будет, преподобный Арсений сохранит.

Я смотрю на его простоватое лицо: нет, он не шутит, он твердо верит, что "потопления не будет". Вспоминаю шутливые слова гостинника -- "а потому вас и раскачало, чтобы мимо Преподобного не проезжали... вот и привелось к нему заехать, а теперь хорошо вам будет". Да будет ли? Я слышу, как накатывает море.

Идем в собор -- проститься. Охватывает сырость и особый, глубинный, запах разбушевавшейся Ладоги. В небе бегут разорванные тучи. У святых ворот преп. Арсений, в схиме, благословляет нас из